

Саид Ахмедов

КОНФЛИКТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Противостояние в Таджикистане в основном началось после того, как перестройка получила размах в бывшем СССР и углубился процесс суверенизации республик. Появились силы (партии, движения и объединения), которые активно выступили за самостоятельность и независимость Таджикистана. Впервые они четко проявили себя в борьбе за придание таджикскому языку государственного статуса. В 1989 г. был принят Закон о государственном статусе таджикского языка. Вокруг этого вопроса общественность республики разделилась на разные группы, каждая из которых противостояла другой. Четко обозначился разрыв между консерваторами и радикалами. К консерваторам относились старые партийные работники, хозяйственники, часть интеллигенции, связанная с государственными и партийными структурами, которая в свое время сделала карьеру благодаря знанию русского языка, обрусевшая часть населения, технократы и др. К радикалам относилось большинство творческой интеллигенции, патриотически и националистически настроенные представители рабочих, крестьянства, духовенства и др. Радикалам удалось провести через парламент свой вариант проекта закона. Сразу после этого в стане радикалов стало формироваться общество "Растохез" ("Возрождение"). Сначала активисты этого общества ставили задачу создания широкого национального фронта наподобие уже созданных в других союзных республиках, например в Литве или на Украине. Но эта идея не была осуществлена, процесс формирования такого фронта прервали февральские события 1990 г.

В феврале 1990 г. группа демонстрантов потребовала от ЦК компартии Таджикистана и его правительства выдворить беженцев-армян из предоставленных им квартир. Впоследствии выяснилось, что такого факта вообще не было. То был лишь повод для выступления и демонстрации сил фундаменталистских исламских организаций. Организованный ими митинг у здания ЦК компартии Таджикистана закончился кровопролитием. Демонстранты бросали зажигательные бутылки в здание ЦК, камнями разбили стекла окон первого и второго этажей, хотели толпой ворваться в здание. Но охрана их не пропустила.

Чтобы разогнать демонстрацию, правительство использовало силу, было убито 17 человек из числа демонстрантов. В ответ исламисты организовали погромы, избиение русскоязычного населения и по-европейски одетых женщин местной национальности. Почти три дня город был в руках демонстрантов. К ним присоединились многие горожане, часть интеллигенции, которые считали правительство ответственным за кровопролитие. Участники многотысячных митингов потребовали отставки правительства и первого секретаря ЦК компартии Таджикистана Каххора Махкамова. До подхода дополнительных войск правительство согласилось уйти в отставку. При подписании документа об отставке демонстрантов представлял "Комитет 17-ти". А когда пришла помощь - дополнительные вооруженные силы, - был созван пленум ЦК, который не принял отставку Махкамова и правительства. Пленум вывел из состава ЦК нескольких оппозиционеров, присоединившихся к демонстрантам. Несмотря на то что февральские выступления оппозиционных сил закончились безрезультатно, это была лишь первая проба сил. Но в действительности это была победа оппозиции и поражение правительства: исламисты и радикалы из "Растохеза" расширили свое влияние, укрепили свои ряды, добились открытого признания, приобрели достаточный авторитет у населения республики.

После "жаркого февраля" правительство Махкамова больше не могло контролировать ситуацию в республике. Последующие события показали, что основы коммунистического правления пошатнулись. В конце концов Махкамов был вынужден в 1991 г. подать в отставку. Но президентские выборы 1991 г. все же не привели к победе оппозиционных сил. Они успели

постепенно дискредитировать себя, население стало отворачиваться от них. Это было связано прежде всего с тем, что оппозиция не смогла выдвинуть какую-либо позитивную программу переустройства общества, а активизация исламских экстремистов отпугнула многих. Одновременно общество раскололось на различные группировки, действовавшие в соответствии со своими региональными, политическими и религиозными интересами. Выборы еще больше разъединили людей. Оппозиционные силы, несмотря на свое поражение, не примирились с итогами выборов и стремились любыми способами если не захватить всю власть, то хотя бы взять под контроль отдельные ее структуры.

Не успел новоизбранный президент Рахмон Набиев прийти к власти, как вновь начались митинги: январский митинг сменился февральским, а февральский - мартовским. Организованный оппозиционными силами митинг, начавшийся 16 марта 1992 г., закончился их победой 22 апреля 1992 г. Митингующие добились отставки председателя Верховного совета (ВС) Сафарали Кенджаева и восстановления министра внутренних дел Навжуванова на прежнем посту. Постоянное давление оппозиционных сил на президента Набиева и ВС привели к активизации сторонников президента. В поддержку президента Набиева, председателя Верховного совета Кенджаева и генерального прокурора Хувайдуллаева 23 апреля 1992 г. на митинг в столицу пришли кулябцы, жители Курган-Тюбинской области, районов республиканского подчинения. Самыми активными и стойкими среди митингующих были кулябцы.

На следующий день на площади Шахидон развернули свой митинг оппозиционные силы. Началось открытое противостояние расколовшихся сил общества на столичных площадях Шахидон, где собралась оппозиция, и Озоди, где шел митинг сторонников президента. С самого начала было видно, что это противостояние закончится кровопролитием. Более того, оппозиционные силы уже на предыдущем митинге имели в своем распоряжении вооруженные отряды. По словам "народного генерала" муллы Киемиддина (имам-хатыба Газималикского района), у них имелось около 27 тыс. бойцов (1). Их отряды не только маршировали по улицам Душанбе, но неоднократно совершали насилие, брали в заложники депутатов ВС.

Митингующие на площади Озоди понимали опасность таких действий и постоянно чувствовали угрозу вооруженного нападения со стороны противников. В первые дни противостояния уже была пролита кровь озодийцев: в их колонну стреляли, когда они проезжали через Кафарнихонский район. Во многих населенных пунктах их автобусы забрасывали камнями.

Вначале на площади Озоди собралось больше митингующих, чем на площади Шахидон, но они были менее сплоченными, не все проявили стойкость. Постепенно их ряды стали таять. Хотя президент оказывал в первое время озодийцам поддержку (сформировал из их числа президентский батальон), но в конце сам проявил слабость и перестал им помогать. Батальоны же милиции перешли на сторону оппозиционных сил. Оказала поддержку шахидонцам и президентская бригада под командованием генерала Рахмонова. В результате митингующие на площади Озоди вынуждены были отступить, договорившись с шахидонцами, что как те, так и другие освободят площади и разойдутся по домам. На площади Озоди оставалось несколько десятков человек.

Шахидонцы, празднуя победу, на БТРах в сопровождении вооруженных отрядов двинулись в сторону Озоди. Из пулеметов и автоматов они обстреливали близстоящие дома, движущиеся автомашины, покидавших площадь митингующих. Они арестовали руководителей митинга на площади Озоди - Сангака Сафарова и Рустама Абдурахимова. 7 мая между президентом Набиевым и руководителями оппозиции был подписан договор о создании правительства национального примирения.

Силовые министерства, телерадиокомитет, министерства иностранных дел, образования, сельского хозяйства перешли под контроль оппозиции. Президент Набиев стал заложником в ее руках. Оппозиционные силы, арестовав руководителей митинга на площади Озоди, не осмелились их убить, и вскоре те были освобождены.

Что касается кулябцев, то они, вернувшись в свои родные места, решили продолжить борьбу, прежде всего с местными сторонниками исламистов, "демократов" и движения "Растохез". К активным действиям их принуждали выступления исламистов в Курган-Тюбинской области, которые оказывали давление и совершали бесчинства над жителями этой области, выходцами из Куляба и над участниками митинга на площади Озоди. В результате между ними произошли вооруженные столкновения. Первое серьезное вооруженное столкновение состоялось в июне, после завершения переговоров в аэропорту Курган-Тюбе.

С целью наказать кулябцев и покончить с сопротивлением их сторонников в Курган-Тюбинской области оппозиция создала штаб "Спасение Родины". Мобилизовав свои боевые отряды в Душанбе и в Курган-Тюбинской области, собрав их в единый кулак, исламисты 27 июня напали на совхозы и кишлаки Вахшского района, где проживали этнические кулябцы, уничтожили их отряды самообороны. В этой акции было много убитых, более 140 тыс. кулябцев, среди которых были представители узбекской, русской и других национальностей, покинули родные места и стали беженцами.

Положение Кулябской области, которая уже три месяца находилась в экономической блокаде, осложнилось. Не хватало хлеба, продуктов питания, горючего и т. д. Область держалась лишь на гуманитарной помощи, которую оказывали ей Узбекистан, Ленинабадская область, Россия, США и многие другие страны. Несмотря на это, кулябцы активно готовились к войне, их отряды активизировали свои действия как на нурекском направлении, так и в Курган-Тюбинской области. На нурекском направлении они хотели занять стратегически важный участок - Чармагзакский перевал, а в Курган-Тюбе прочно держали в своих руках другой стратегический участок - г. Калининабад. На первом направлении их действия особого успеха не имели.

С обеих сторон неоднократно предпринимались попытки заключить мирный договор, но находились силы, которые тут же нарушали перемирие. Перемирия не хотела и Партия исламского возрождения, которая еще до создания правительства национального примирения подчинила себе все оппозиционные силы. "Растохез" и Демпартия уже не представляли какой-либо реальной силы. Таким образом, еще до выборов президента уже сформировалась вооруженная оппозиция по региональному признаку, состоявшая в основном из памирско-каратегинской группы населения. В результате политическая оппозиция переросла в региональную.

Борьба между оппозицией и кулябцами усилилась в конце августа и начале сентября. Приехавшая на переговоры группа кулябцев 2 сентября 1992 г. была обстреляна оппозицией прямо на митинге. Кулябцы отступили и укрылись в расположении полка 201-й российской дивизии. После того как подоспела помощь из Куляба, они напали на Курган-Тюбе и захватили его. С этой операции начались успешные военные действия кулябцев. Окончательный перевес кулябцев наметился, когда их стали активно поддерживать гиссарцы. Душанбе и пригородные Ленинский и Кафарнихонский районы попали в кольцо, у них осталась не закрытой лишь одна дорога в сторону Каратегина и Памира. Первая попытка гиссарцев при поддержке кулябцев овладеть г. Душанбе (октябрь 1992 г.) закончилась неудачно, но она показала слабые стороны сил оппозиции.

В конце августа оппозиция арестовала членов правительства - сторонников Набиева, затем под расписку их выпустила. Президент Набиев, скрывавшийся в здании комитета национальной безопасности, не хотел подавать в отставку, но во время поездки в аэропорт для вылета в Ленинабад был задержан оппозиционными силами. Под угрозой смерти он подписал заявление о своей отставке. Власть полностью перешла в руки оппозиции, хотя номинально главой государства являлся председатель Верховного совета Акбаршо Искандаров. Чтобы привлечь Ленинабад на сторону оппозиции, председателем Совета министров был назначен А. Абдулладжанов. Верные оппозиции силовые структуры государства использовались в борьбе против кулябо-гиссарских ополченцев. Тем не менее к концу октября уже было ясно, что оппозиция не в силах военным путем удержать власть. Она согласилась на проведение 16-й сессии ВС республики, желая политическим путем сохранить за собой некоторые посты в правительстве, а заключив договор о примирении,

сохранить свои силы для дальнейшей борьбы за власть.

Но 16-я сессия ВС прошла в духе осуждения действий оппозиции. Власть взял в свои руки Народный фронт, куда входили все силы, боровшиеся против нее. На сессии президент Набиев официально подал в отставку. Были внесены изменения в конституцию, в соответствии с которыми Таджикистан стал парламентской республикой. Оппозиция, потерпев полный крах, не смогла смириться с этим и активно готовилась к вооруженному сопротивлению в Душанбе и Кафарнихоне. Народный фронт силой занял г. Душанбе, оттеснив отряды оппозиции в сторону Кафарнихона, где они скрылись в труднодоступной горной местности. Правительственные силы дошли до перевала Хобурабад. Памир был объявлен зоной мира, хотя до сих пор им так и не стал.

Война между правительственными войсками и отрядами оппозиции, скрывающимися в ущельях и в горах, продолжается до сих пор (2). Боевые отряды оппозиции, обосновавшиеся в Афганистане, переходят границу республики, обостряя обстановку в пограничных районах, но изменить в целом ситуацию в стране они не в состоянии.

Вместе с тем сохраняется опасность расширения действий оппозиции, усиления ее боевых отрядов благодаря помощи исламских стран, зарубежных религиозных центров. В Афганистане имеется около 20 центров по подготовке таджикских боевиков, и подобные базы имеются также в Иране, Судане, Пакистане и других странах (3). Интернационализация конфликта может изменить расстановку сил и привести к расширению и дальнейшему продолжению вооруженного конфликта.

Борьба против усиления влияния исламских стран, прежде всего Ирана, на Таджикистан и в целом на Среднюю Азию отвечает интересам России и Узбекистана, которые помогли Народному фронту в его борьбе против оппозиции. Кроме того, это может облегчить Узбекистану решение своих внутренних проблем. Дело в том, что с подъемом национального самосознания таджиков усилилось движение за создание культурной автономии в местах компактного их проживания в Узбекистане, например в Самарканде. Почти все оппозиционные партии и движения Таджикистана считают, что проблема таджиков в Узбекистане остается нерешенной. Это подчеркивают в своих выступлениях лидеры оппозиционных партий и движений Мирбобо Миррахимов, Шодмон Юсупов и др.

Кроме того, в Узбекистане, в особенности в Ферганской долине, достаточное распространение получили фундаменталистские идеи. Ферганская долина всегда оставалась одним из центров обеспечения фундаменталистов Таджикистана религиозной литературой. Позиции фундаменталистов в Узбекистане всегда были крепкими. Поэтому, помогая таджикскому Народному фронту, руководство Узбекистана одновременно боролось против усиления влияния доморожденных фундаменталистов. В целом же ситуация в Таджикистане во многом зависит от России и Узбекистана.

* * *

Конфликт начался на политической и религиозной почве, его региональные корни вначале не просматривались. Ныне политический аспект превратился во второстепенный, хотя оппозиция все еще использует политические лозунги. Превращение политического противостояния в региональное было неизбежно. Во-первых, основной состав руководства новых партий и движений комплектовался на базе выходцев из одного региона. Более 90% руководства и членов Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) по происхождению жители Каратегина и Гарма, особенно долины Вахьо, проживавшие затем в Курган-Тюбинской области. Этот регион неоднократно в истории Таджикистана противопоставлял себя ленинабадскому (4), в частности, так было в 30-40-х гг., до того как население Гарма и Каратегина переселилось в Вахшскую долину. Тем не менее оно продолжало жить компактно, сохраняя все этнорегиональные традиции. Их община всегда выступала как самостоятельная региональная группа. В земляческих гармо-каратегинских общинах ведущую роль играли чиновники из партсоваппарата, духовенство и работники торговли.

Северяне составляли также организованную региональную общину в Курган-Тюбинской области. До 80-х гг. они занимали ведущее положение в ее политической, экономической и культурной жизни. Более того, северяне на протяжении всего советского периода правили республикой. Это объяснялось многими причинами, но прежде всего доверием, которое оказывал им "центр" (Москва). Ориентация "центра" на кадры из Ленинабада вполне объяснима и имеет исторические корни. Во-первых, Север Таджикистана был и остается самым развитым в экономическом плане регионом республики, во-вторых, тесная связь северных районов с Россией имеет давнюю историю: еще до победы советской власти в Таджикистане ходжентская (ленинабадская) группа районов входила в состав России.

Однако за последние десятилетия ситуация несколько изменилась в пользу южных районов, где наблюдался экономический подъем. Значительно увеличился их вклад в экономику, выросла роль в культурно-интеллектуальной жизни республики. Они стали соперничать с Ленинабадской областью и в других сферах. Поскольку прежняя система расстановки кадров их более не устраивала, они выражали свое недовольство, порой перераставшее в конфликты. Уже в конце 70-х гг. руководству республики пришлось заниматься этой проблемой. Для урегулирования одного из таких конфликтов в Курган-Тюбинскую область была направлена специальная комиссия под руководством секретаря ЦК Бабаева.

Однако южные районы не составляли единый регион. Например, кулябцы, образовавшие самостоятельную региональную общину, не всегда ладили с населением памирского и гармо-каратегинского регионов.

Партийно-советская номенклатура преимущественно из северных районов фактически поощряла регионализм. Более того, зачастую ее представители инициировали региональные конфликты, а в 1992 г. спровоцировали враждебные действия регионов друг против друга. Особенно обострились региональные противоречия, когда Вахшской долиной руководил А. Паллаев (был секретарем обкома). При нем начались открытые притеснения руководящих кадров из других регионов, особенно кулябцев. Ключевые посты перешли в руки представителей памирской и гармо-каратегинской зоны. Другой партийный лидер - председатель ВС К. Аслонов, один из руководителей митинга на площади Озоди, а затем в 1991 и в 1992 гг. председатель облисполкома и руководитель штаба оппозиционных сил в Курган-Тюбинской области - лично провоцировал региональные конфликты.

События показали, что наиболее сильный аргумент для подобного рода руководителей - это солидарность со своими земляками. Земляческий дух был выгоден номенклатуре для того, чтобы удержаться у власти, сохранить свои посты; принадлежность к "своему" землячеству мешала снять с работы даже негодного работника.

Основы регионализма закладывались ходжентцами в течение длительного пребывания их в руководстве республики. На протяжении нескольких десятилетий все ключевые посты на Юге Таджикистана - директоров перспективных заводов, секретарей райкомов, обкомов, председателей исполкомов крупных районов - занимали представители Севера. Лишь несколько должностей сохранялось за Югом. Более 95% центрального аппарата ЦК, Совета министров, министерств, руководителей вузов и Академии наук составляли северяне. В престижные и центральные вузы республики поступали в основном абитуриенты с Севера. Существовали негласные привилегии для северян-выпускников вузов. Все это, разумеется, постоянно подогревало недовольство представителей южных районов.

Особенно выделялась гармо-каратегинская группа районов своим пристрастием к местничеству. Во всех селах, районах и населенных пунктах Вахшской долины, населенных гармо-каратегинцами, функционировали чайханы-мечети. Именно в этих общественных центрах вырабатывалась единая линия поведения общины-"махалля" в отношении любых событий личной и общественной жизни, формировалось общественное мнение и т. д.

Кулябский регион по своим этнокультурным чертам близок к гармо-каратегинскому региону, но в нынешних событиях выступает против него, в поддержку Ходжента. На президентских выборах кулябцы проголосовали за Набиева, а в трудное для него время с оружием в руках защитили его. Права исследовательница Александра Луговая, считающая, что для многих местных аналитиков и сейчас остается загадкой, почему вслед за "богатым Ходжентом" президента Набиева поддерживал самый обездоленный в экономическом отношении Куляб (5). Видимо, причиной тому явились просоветские настроения населения Куляба, его боязнь создания исламского государства, а также существующие религиозные противоречия между гармо-каратегинским и кулябским регионами. Не исключено, что ходжентцы как опытные политики воспользовались доверчивостью Куляба в собственных целях. Отношения между регионами особенно обострились, когда начали возникать региональные общественно-политические организации. Оппозиционные партии и движения не стали консолидирующим фактором, наоборот, многие из них отстаивали сугубо региональные интересы.

Руководители "Растохеза" были в основном радикалами экстремистского толка и к тому же неискушенными в политике людьми. Это усилило противостояние оппозиционных сил правящей номенклатуре и консервативным силам республики. "Растохез" не стал объединительным движением прогрессивно мыслящей интеллигенции, народных масс, хотя в начале своей деятельности претендовал на эту роль. Позже "Растохез" вступил в блок с Партией исламского возрождения. То же самое можно сказать и о Демпартии Таджикистана. В период гражданской войны немалую роль в ее объединении с ПИВТ сыграли земляческие связи ее руководства с исламистами. В какой-то степени эти организации провоцировались на применение все более радикальных методов борьбы самой партийно-советской номенклатурой, которая по отношению к ним проводила жесткую политику и всячески препятствовала их деятельности.

К чисто региональным памирским организациям, которые принимали и продолжают принимать активное участие в политическом и вооруженном конфликте в Таджикистане, относятся общество "Ла'ли Бадахшон" ("Бадахшанские самоцветы") и культурный центр "Носири Хисрав", входившие в альянс оппозиционных партий и движений.

Общество "Ла'ли Бадахшон" было создано в 1990 г. для защиты интересов памирцев и с самого начала боролось за смену власти в республике и изменение статуса Горно-Бадахшанской автономной области. Его радикализм и воинственность усилились после того, как представитель (негласный руководитель) общества Д. Худоназаров потерпел поражение на президентских выборах. Участвуя в альянсе оппозиционных правительству сил, оно преследовало чисто региональные цели, желая, в частности, укрепить позиции памирцев во властных структурах, придать Памиру статус автономной республики, а при необходимости подготовить условия для выхода Памира из состава Таджикистана. Сепаратизм этой организации особенно проявился после прихода к власти нового руководства республики и на президентских выборах в 1994 г.

В 1989-1992 гг. министерством внутренних дел Таджикистана руководил памирец М. Навжуванов, который смог привлечь основные силы МВД к поддержке "Ла'ли Бадахшон". Поэтому памирская группировка в альянсе оппозиционных сил представляла собой сравнительно мощный вооруженный отряд. Он участвовал в боях в Курган-Тюбинской области и в октябре 1992 г. в Душанбе, когда отряды Народного фронта под руководством С. Кенджаева (бывшего спикера парламента республики) внезапно вошли в город, захватив его центр. Вооруженные отряды "Ла'ли Бадахшон" без особого труда смогли вытеснить их из города и взяли его под свой контроль. Накануне прихода вооруженных отрядов нового руководства республики (избранного на 16-й сессии в Ходженте) они организованно покинули Душанбе, сохранив свои силы. Впоследствии вооруженный отряд "Ла'ли Бадахшон" распался, под его влиянием осталась лишь незначительная группа.

Памирцы в Таджикистане составляют особую этнокультурную общину, отличающуюся по языковому, религиозному и другим признакам. В экономическом плане Бадахшан является самым отсталым районом Таджикистана и не в состоянии обеспечить себя необходимой продукцией. Идея

создания памирского государства, охватившая некоторых сепаратистов, нереальна, поскольку для ее осуществления нет ни политической, ни экономической основы. Да и само географическое положение Памира не позволяет образовать самостоятельное памирское государство.

В политической жизни принимал активное участие и культурный центр "Носири Хисрав". Председатель центра Х. Халикназаров в период правления оппозиции стал министром иностранных дел так называемого правительства национального примирения.

Конфликт между Кулябом и гармо-каратегинским регионом на религиозной почве начался после того, как в последнем появилось новое исламское движение. Начиная с 70-х гг. происходили стычки между исламскими фундаменталистами и традиционалистами. Фундаменталистское духовенство, претендовавшее на роль непререкаемого авторитета в области мусульманского права, требовало "очистить" ислам от чуждых ему наслоений, вернуться к истокам мусульманской веры. Оно внесло некоторые изменения в обряды, в частности, упростило похоронные ритуалы, условия выполнения молитвы, отказавшись от некоторых неисламских традиций и обрядов, которые до этого воспринимались населением как исламские.

Современными исламскими фундаменталистами для идеологического и политического обоснования своих действий используются в основном три принципа ислама: такфир, джихад, хакимийя (6). Указанные принципы используются и другими исламскими течениями. Однако фундаменталистская интерпретация этих принципов определенно отличается от них. Например, такфир, т.е. обвинение в неверии, широко известен в средневековой мусульманской богословии, и вокруг него разгорелся спор между различными школами. Суть спора заключалась в том, кого следует относить к немусульманам (кафирам), остается ли мусульманином тот, кто совершил грех и, наконец, какие поступки мусульман следует признать тяжким грехом.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение теологических споров, можно сказать, что по Корану мусульманин не становится кафиром, если он не отвергает основную формулу ислама - шахада (7). Тем не менее это не исключало использования понятия такфир различными исламскими группировками и направлениями в обвинении друг друга, даже если они признавали все главные требования ислама (некоторые ханбалитские школы обвинили другие школы, в частности ханифитов, в неверии). Такфир широко используется современными исламскими движениями. Например, "Братья-мусульмане" используют принцип такфир не только против современного секуляризма, но и против других исламских течений и концепций, особенно против современного модернизма.

В политических целях манипулируют также принципом хакимийя, в соответствии с которым правителем мира является аллах, а все законы, не основанные на божественном слове - Коране и сунне, - не могут быть разумными. Исходя из этого, "Братья-мусульмане" и некоторые исламские группировки считают, что современные государства в странах Ближнего и Среднего Востока и связанные с ними политические режимы недостаточно исламизированы и подлежат коренному переустройству (8). Таким образом, к разряду неисламских государств относятся почти все существующие государства, в том числе и мусульманские. Следует отметить, что среди фундаменталистов не наблюдается единства мнений по поводу типа государства в будущем "исламском обществе".

Традиционные суннитские школы (кроме ханбалийя) не требовали создания исламского государства, не считали обязательным исламское правление, не призывали к свержению немусульманского правителя. Современные исламские традиционалисты в Таджикистане смирились с существующим политическим режимом, причем их устраивает даже принцип отделения религии от государства. Новое же течение, наоборот, считает недопустимым отделение ислама от политики, и, по их мнению, только антиисламисты могут отстаивать лозунг отделения ислама от государства. Поэтому в уставе и программе ПИВТ сказано, что ислам и политика едины, партия борется за создание исламского общества (т. е. исламского государства) (9). Позиция ПИВТ

в данном случае совпадает с позицией "Братьев-мусульман". Более отчетливо это совпадение наблюдается в статьях и выступлениях лидеров нахдатистов (10). Так, в статьях и выступлениях Саида Абдулло Нури, М.Х. Химматзода (председателя ПИВТ) исламское общество понимается примерно так же, как в работе идеолога "Братьев-мусульман" Сайида Котба "Маалим фи ат-тарик" ("Вехи на пути"). Нахдатистам, как и "Братьям-мусульманам", присущи тенденции экстремизма, изоляционизма. Экстремизм проявляется в их непримиримости к иноверцам, в распространении ислама в "неисламских странах" мира насильственными методами, а изоляционизм - в стремлении обособить себя от всего неисламского мира, замкнуться в исламском обществе. Примером изоляционистской политики фундаменталистов могут служить их лозунги "Долой Америку!" на митингах, антирусские, антиармянские, антиузбекские выступления и т.д.

По своей организационной структуре Партия исламского возрождения Таджикистана напоминает организацию "Братьев-мусульман". Первые ячейки ПИВТ были созданы в середине 70-х гг. в подполье и действовали в условиях глубокой конспирации. Нахдатисты проходили религиозное обучение в нелегальных школах. Вопреки запретам советской власти, подпольные религиозные школы существовали всегда. Появление фундаменталистского движения в республике связано с рядом объективных и субъективных, внутренних и внешних, экономических и духовных факторов. Оно явилось выражением недовольства части населения существующей общественно-политической системой. При отсутствии другой светской идеологии, оппозиционных партий и движений это недовольство вылилось в религиозную форму. Религия являлась наиболее естественной формой массового протеста в условиях советского тоталитаризма.

В 70-е гг. к тяжелым экономическим трудностям в Вахшской долине прибавилась демографическая проблема, которая ухудшала и без того тяжелое положение трудящихся. Катастрофически росло число безработных, особенно среди молодежи. Безработное население вынуждено было заниматься непроизводительной деятельностью, в основном куплей-продажей сельскохозяйственной продукции и других товаров. Получила широкое распространение такая форма деятельности, как вывоз и продажа сельскохозяйственной продукции в центральные районы России. Особенно тяжелым было положение работников сельского хозяйства. Низкая плата за тяжелый труд, монотонный образ жизни, постоянная нужда вызывали у крестьян чувство неудовлетворенности и безысходности. В поисках выхода из такого состояния они, естественно, обращались к традиционным исламским институтам.

Идеи панисламизма и иранской исламской революции попадали на благодатную почву. Основными каналами исламской пропаганды из-за рубежа были радио, а также контрабандный ввоз запрещенной тогда религиозной литературы. Материалы следственных органов свидетельствуют о том, что почти у всех фундаменталистски настроенных групп духовенства изымались работы лидеров организации "Братьев-мусульман" - Хасана аль-Банна, Сайида Котба, Мухаммада Котба, труды лидера Исламского общества Пакистана Абу Ала аль-Маудуди и книги иранских авторов. Под их влиянием формировались взгляды таджикских нахдатистов.

В то же время Партия исламского возрождения Таджикистана, хотя и относится к разряду фундаменталистских, тем не менее во многом отличается от аналогичных партий и движений. Это связано с историческими особенностями республики, которые повлияли на стратегию и тактику ПИВТ. Так, например, фундаменталисты не ставили перед собой задачу борьбы против экономического и духовного колониализма, но зато выдвигали другие требования, такие, как выход республики из политического и экономического кризиса, реализация суверенитета, осуществление реформы и переход к рыночной экономике и др.

В духовно-религиозном плане ПИВТ выступала за расширение прав верующих, легализацию религиозных институтов, освобождение религиозной идеологии от прессинга коммунистической идеологии, укрепление политической роли ислама (в том числе непременно участие религиозных деятелей в управлении государством), налаживание тесных контактов с зарубежными исламскими центрами и др. Несмотря на свой экстремизм и изоляционизм, на начальном этапе своей

деятельности фундаменталистское течение привлекало к себе внимание широких слоев трудящихся, в том числе интеллигенции. Людей устраивали близкие и понятные им лозунги, которые выдвигали фундаменталисты. Авторитетом пользовалась и созданная ПИВТ система обучения религиозных кадров. Она была более эффективной, чем традиционалистская. Привлекательным было то, что учащиеся фундаменталистских школ ничем не отличались от других своих сверстников, кроме как воспитанностью и учтивостью. Фундаменталистские муллы своим знанием религиозных текстов, истории, арабского языка превосходили традиционалистов. Они носили простую, но современную одежду, всегда находились в гуще событий, принимали активное участие в общественно-политической жизни страны, к тому же они постоянно апеллировали к национальным ценностям.

Но и исламский традиционализм пользовался немалым влиянием среди таджиков. Традиционалисты боролись за сохранение уже сложившихся форм отношений между государством и религиозными объединениями, против каких-либо новшеств в области веры, усматривая в них отход от традиционного суннизма, уступку ваххабизму, шиизму. В собственно религиозном плане они обвиняли фундаменталистов в измене суннизму, в неуважении к сунне. Кроме того, традиционалисты видели в фундаменталистах своих конкурентов. Активность последних лишала традиционное духовенство источников прибыли - доходных должностей в мечетях, служителей при святых местах, да и просто тех средств, которые они получали от населения за выполнение исламских обрядов: похорон, венчания, обрезания и др. Традиционалисты, следуя суннитской традиции, не считали нужным заниматься политикой, ограничивали свою деятельность бытовой и нравственной сферой. Для основной массы населения все это было понятно и привычно. Поэтому традиционалисты пользовались авторитетом среди работников сельского хозяйства, рабочих и др. Традиционалисты очень болезненно реагировали на игнорирование обрядовой стороны религии, считая любые нововведения отходом от веры.

Традиционализм иногда называют "народным исламом". Это в некоторой степени верно, если считать, что идеи традиционалистов не выходили за рамки массового, обыденного сознания. Они приспособивались к действительности, не вступали в конфликт с государственно-партийным аппаратом, следуя принципу "сожительства" религиозных и нерелигиозных элементов в культуре и общественной жизни. К традиционалистам относилась в основном та часть духовенства, которая в советский период пользовалась авторитетом и уважением у власти. Это имам-хатыбы официальных мечетей, ишаны, неофициальные муллы в кишлаках и районах. Они не были противниками существующей системы, выступали против изоляционизма, предлагаемого фундаменталистами. Все тогдашние идеи и лозунги типа призывов к дружбе между народами, мирному сосуществованию различных конфессий и т.д. наложили определенный отпечаток на их учение.

Естественно, что фундаментализм был неприемлем для конформистского, традиционного суннизма. В начале 80-х гг. противоречия между фундаменталистами и традиционалистами переросли в ожесточенный конфликт, причем активнее в нем повели себя фундаменталисты. Почти все лидеры фундаментализма, например, Мулла Абдулло, Турадзонзода (и отец, и сын), М.Х. Химматзода и др. в своих выступлениях призывали к джихаду против неверных, считали кафирами как мусульман-традиционалистов, так и своих политических противников. Турадзонзода-младший и Химматзода на митинге в поселке Чармагзак в сентябре 1992 г. назвали своих противников-кулябцев, включая и поддерживавших их традиционалистов, армией шайтана (сатаны), а своих собратьев армией аллаха, заявляя, что перемирие между ними невозможно. С самого начала, еще до войны, члены вооруженных отрядов оппозиции называли себя муджахидами, а войну против сторонников всенародно избранного президента Набиева - джихадом.

Исламские "возрожденцы" видели в джихаде способ переустройства общества. В программе партии и заявлениях ее руководителей до начала войны не было призывов к джихаду. Но после того как разразилась война, призыв к джихаду у нахдатистов стал основным средством мобилизации населения. Призыв к джихаду, возможно, не дал бы желаемого результата, если бы не региональный фактор. Формально по своим целям и задачам фундаменталистская ПИВТ не была

региональной. В ней участвовали представители многих областей. Но в силу того, что в ее составе и особенно в руководстве преобладали представители гармо-каратегинской общины, она защищала главным образом интересы этого региона. Во всяком случае, борьба ПИВТ против коммунистического правления шла параллельно с борьбой памиро-каратегинской общины против ленинабадского руководства. В результате вокруг фундаменталистского духовенства объединились не только те, кто поддерживал фундаменталистские идеи, но и те, кого трудно отнести к разряду верующих: партийные, советские работники, часть интеллигенции, криминальные элементы и др.

Апеллируя к региональным настроениям, Партии исламского возрождения удалось организовать широкое массовое движение. Другие же партии и движения - Демпартия Таджикистана, "Растохез" - не стали массовыми организациями и не представляли достаточно серьезную силу.

Образовавшееся после февраля 1990 г. объединение оппозиционных сил усилило позицию прежде всего нахдатистов. В идеологическом плане ПИВТ стала доминирующей среди других оппозиционных партий и движений. Достаточно указать на демократические издания - газеты "Адолат" (орган Демпартии), "Дунья" (то же), "Чароги руз", "Сухан" (независимый орган журналистов) и др., которые стали проводниками фундаменталистских идей. Эти газеты предоставляли свои страницы фундаменталистским деятелям, постоянно публиковали религиозные тексты, восхваляли лидеров Партии исламского возрождения, подвергали критике исламских традиционалистов. По существу газеты отражали реальную обстановку, а она была такова, что Партия исламского возрождения подчинила себе другие политические силы - Демпартию Таджикистана и "Растохез". Есть здесь, однако, и субъективные моменты. Дело в том, что руководители Демпартии и "Растохеза" были зависимы от нахдатистов и не могли противостоять их давлению.

По своей жестокости вооруженный конфликт в Таджикистане отличается от всех других региональных конфликтов на территории бывшего СССР. Это связано, в частности, с тем, что в нем участвовали криминальные группы, воспользовавшиеся войной для уничтожения своих противников. Особую жестокость проявляли наемники, принимавшие участие в боях на стороне оппозиции.

Не прекращается вооруженный конфликт в приграничных районах. Несмотря на соглашения о прекращении огня, подписанные в Тегеране и Исламабаде, непримиримая оппозиция нападает на пограничные заставы, стремясь пересечь границу и закрепиться в приграничных с Афганистаном стратегических районах республики. Оппозиция заинтересована в дестабилизации обстановки, чтобы привлечь внимание мирового сообщества, международных организаций к обстановке в Таджикистане и тем самым добиться удовлетворения своих политических требований.

В настоящее время оппозиция неспособна изменить политический режим в Таджикистане без помощи других исламских стран. Во-первых, правительственные вооруженные отряды намного превосходят силы оппозиции. Во-вторых, нынешнее руководство республики пользуется поддержкой мирового сообщества, стран СНГ и прежде всего России и Узбекистана. Президентские выборы 1994 г. укрепили международный авторитет президента Э. Рахмонова. В-третьих, влияние оппозиции среди населения республики резко упало. Оно и раньше было невелико, так как оппозицию поддерживала в основном часть населения памиро-каратегинского региона. Сейчас многие, чувствуя бесперспективность борьбы против правительства, отказались от поддержки оппозиции. Количество населения республики, активно поддерживающего оппозицию, не превышает 5-7%, если исходить из общего числа жителей гармо-каратегинского региона и членов оппозиционных партий.

Однако социальная база у оппозиции все еще имеется, ибо сохраняются социально-политические и экономические причины, служащие основой для недовольства нынешним правительством. Снижение благосостояния населения, увеличение числа безработных (безработица сейчас достигает примерно 30%), отсутствие у правительства четкой программы выхода из экономического кризиса, могут привести к новому социальному взрыву.

Обстановка осложняется еще и тем, что на территории Афганистана находится большое количество таджикских беженцев. Из них формируются вооруженные отряды оппозиции, которые переправляются на территорию Таджикистана. Беженцы используются непримиримой оппозицией как козырная карта в своей политике. Для полной нормализации обстановки на границе и в районах, где проходили боевые действия, возвращение беженцев и их обустройство являются ключевой проблемой. Правительством Таджикистана при содействии ООН и других международных организаций, сделано многое, чтобы вернуть беженцев на родину. Но для полного решения этого вопроса ему не хватает ни средств, ни возможности.

Непримиримая оппозиция и исламские экстремистские группировки за рубежом пытаются представить гражданскую войну в Таджикистане как "войну между исламом и коммунизмом", верующими и неверующими, "исламом и христианством". В действительности стоящие по разным сторонам баррикады мусульмане преследуют собственные экономические, политические и региональные интересы. Апелляция же к лозунгу "ислам против неверующих" или "ислам против христианства" по сути является - пропагандистским приемом, ее цель - расширить конфликт.

К существующим противоречиям добавились новые. Произошел раскол среди бывших союзников по Народному фронту. Ленинабадская область, отдельные районы Гиссара на президентских выборах проголосовали против президента Э. Рахмонова, показав тем самым, что отрицательно относятся к курсу нынешнего руководства республики. Возникла угроза нового политического противостояния регионов, которое может внести элементы нестабильности в политическую жизнь республики.

В исполнительной власти более 70% должностей по-прежнему занимают представители Ленинабадской области, и старая ходжентская элита, долгое время монополизировавшая власть в республике, не желает мириться с сокращением своего влияния. Более того, как показали выборы президента, старая гвардия политических лидеров Ходжента желает любыми средствами вернуть себе всю полноту власти. Но нынешняя ситуация такова, что авторитет последних резко упал, особенно в период правления президента Набиева. Это можно объяснить, с одной стороны, активностью новых лидеров, прежде всего хатлонцев, с другой - догматичностью мышления этих лидеров, которые не смогли приспособиться к новым реалиям.

Но тем не менее ходжентцы ищут удобный момент для реванша. Совершенно очевидно, что сегодня, для того чтобы тот или иной политический лидер чувствовал себя уверенно в Душанбе, он должен опираться, во-первых, на многочисленную группу своих сторонников (прежде всего земляков), готовых по первому зову встать под его знамя, а при необходимости - взять оружие в руки. Во-вторых, иметь при себе преданные вооруженные отряды из числа силовых структур государства. Ленинабадская община в Душанбе по сравнению с другими общинами представляет собой незначительную часть мигрантов в столице. Начиная с конца 70-х гг. миграционный поток сократился, а с началом политического противостояния стал набирать силу обратный процесс оттока ленинабадцев из Душанбе, зато быстрыми темпами стала расти миграция жителей Юга из сельской местности и малых городов. События 1990-1992 гг. показали, что ни ленинабадцы, ни ходжентцы в Душанбе не в состоянии поддержать своего политического лидера (в поддержку, например, ходжентца Р. Набиева на площадь Озоди вышли не его земляки, а жители Куляба).

Сейчас руководить республикой, не опираясь на поддержку Кулябской зоны Хатлонской области, невозможно, так как именно ее жители больше всех отдали сил в борьбе за восстановление конституционного строя и более, чем кто-либо другой, пострадали от экономического кризиса. Именно Куляб способен сегодня выставить для защиты своих интересов десятки тысяч вооруженных бойцов. Поэтому в данной ситуации Ленинабад не может претендовать на главенствующую роль в политической жизни республики. Это хорошо понимают трезвомыслящие лидеры Ходжента. Лучший вариант для Ленинабада - это компромисс и диалог с Кулябом. Президент Э. Рахмонов и поддерживающий его Куляб также весьма заинтересованы в тесном контакте с политическими лидерами Ходжента и нуждаются в их политическом опыте и

экономической поддержке.

Что касается Гиссара, в отношениях которого с Кулябом сейчас наблюдаются определенные противоречия, следует сказать, что он не может стать верным союзником Ленинабаду, хотя поддерживал на выборах его представителя. К тому же большую группу населения Гиссара составляют выходцы из Куляба, не потерявшие еще свои родственные и общинные связи с последним. Это делает более вероятным союз Гиссара с Кулябом, а не с Ленинабадом. Ленинабаду также не следует рассчитывать на устойчивый союз с памиро-каратегинским регионом, в отношениях с которым за последнее время у него наметилось определенное сближение. Преодолеть исторически существовавшие противоречия довольно трудно. Учитывая расклад сил в республике, можно сказать, что единственный выход из сложившейся ситуации для всех регионов - это отказ от взаимной конфронтации. Сейчас такой момент наступил. Продолжение конфронтационной политики губительно для всех. Если в период гражданской войны лозунги борьбы за восстановление конституционного строя, против фундаменталистов оправдали себя и привели кулябцев к победе, то сейчас такая политика чревата затягиванием конфликта.

Почти все поняли, что ни один регион не может в одиночку управлять страной, вывести ее из глубочайшего кризиса. Более того, сложилось определенное равновесие в структурах власти, которое устраивает большинство регионов.

От мира и политической стабильности в Таджикистане зависит и стабильность на южных границах СНГ. Только сильное централизованное государство, каким может стать Таджикистан при помощи стран Содружества, способно защитить границы СНГ, обеспечить свою безопасность, безопасность Содружества в целом, а заодно и возможность обеспечения потока иностранных инвестиций в экономику среднеазиатских стран. Укрепление таджикско-афганской границы и политической стабильности в Таджикистане будут служить интересам России и всего мирового сообщества. В частности, можно будет закрыть один из основных каналов контрабандного ввоза в СНГ наркотиков и оружия.

-
1. Джумхурият. 1992. 22 апреля.
 2. О вооруженном конфликте в Таджикистане написано достаточно много. Кроме статей в периодической печати, вышли книги: Дустов Н. Захм дар бадани Ватан ("Рана в теле Родины"). Душанбе: Ирфон, 1994; Шокиров Б., Махмадкаримов А. Байдоиши хизбу созмонҳои нав дар Тоҷикистон; Душанбе, 1994; сборник статей "Таджикистан в огне". Душанбе: Ирфон, 1994 и др.
 3. См.: Народная газета. 1993. 12-13 августа.
 4. Городу Ленинабаду ныне возвращено его историческое имя Ходжент. В своей статье автор пользуется обоими названиями. Поэтому следует помнить, что в сохраненной авторской редакции определение "ленинабадский" тождественно определению "ходжентский". - Прим. ред.
 5. Луговая А. Политический кризис в Таджикистане был неизбежен // Таджикистан в огне. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 169.
 6. Борисов А. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта, XX в. М., 1991. С. 123-124; Коровиков А. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990. С. 79-85; Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 74-80.
 7. Коран. Перевод и комментарии Л. Крачковского, сура 4, аяты 130-135. М., 1990. С. 96-97.
 8. Котб С. Маалим фи ат-тарик. Каир, 1961. С. 120-121.
 9. Наджат. 1992. * 8.
 10. Нахдатизм - неологизм от арабского термина "нахда" - возрождение. - Прим. ред.